

А. А. Васильев и «Академическое дело»*

С. А. ИВАНОВ

Аннотация: В статье впервые вводятся в научный оборот письма, которые византист Александр Александрович Васильев (1867–1953), преподававший в университете Мэдисона (США), получал в 1930 г. по поводу и во время «Академического дела». Из писем родных сестер, оставшихся в Советском Союзе, ученому почти невозможно было понять, как начавшаяся волна террора затронула его самого и его семью: сестры, по цензурным соображениям, писали весьма уклончиво. Но через датскую профсоюзную активистку Эдит Ольсен, написавшую ему после возвращения из Ленинграда, а также, отдельно, от правоведа-эмигранта Александра Макарова, которого посетил в Берлине высокопоставленный советский правовец М. Я. Пергамент, Васильев получил сведения о том, что в новогоднюю ночь 1930 г. был арестован брат его жены Д. М. Халтурин и что тогда же ГПУ приходило в квартиру, в которой он сам жил до 1925 г., с ордером на его арест и устроило в ней обыск. Еще в 1929 г. А. А. Васильев рассматривал теоретическую возможность вернуться в СССР, ведь в США он в 1925–1928 гг. находился в командировке, – но эта история окончательно убедила его в том, что обратно дороги нет.

Ключевые слова: А. А. Васильев (1867–1953), история науки, история византиноведения, Академия наук СССР, «Академическое дело», русская эмиграция

* Работа стала возможна благодаря гранту *Friends of UW-Madison Libraries* University of Wisconsin-Madison Memorial Library.

Sergey A. Ivanov
Alexander A. Vasiliev and “Academic Trial”

Abstract: The article is based on the correspondence received in 1930 by the Russian Byzantinist Alexander Vasiliev (1867–1953), who taught at the University of Wisconsin-Madison. The letters in question were written at the time of the “Academic Trial” in the USSR or directly touched upon it. The letters from Vasiliev’s two sisters, who remained in Leningrad, are evasive, apparently because of censorship concerns, and say nothing about the way the wave of state repressions affected their family. Yet, Vasiliev got unambiguous information from two independent sources: 1) a Danish trade-union activist Edith Olsen who had visited the Soviet Union and, upon return, passed to Vasiliev the news from his friends in Leningrad; 2) an emigré law professor Alexandr Makarov who had met in Berlin with a colleague, a high-ranking and well-informed Soviet law professor Mikhail Pergament who obviously disliked what was going on in Russia. From both sources Vasiliev learned that on the New Year Eve of 1930, the secret police (GPU) arrested his brother-in-law Dmitrii Khalturin, Vasiliev’s sister Olga’s husband. The police also came to his own apartment, where his other sister, Nadezhda, lived, with an arrest warrant for Vasiliev himself. This is how Vasiliev realized that there was no way for him to return to Russia.

Key words: Alexander A. Vasiliev (1867–1953), history of scholarship, history of Byzantine Studies, Academy of Sciences of the USSR, “Academic trial”, Russian Emigration

For citation: *Иванов С. А.* А. А. Васильев и «Академическое дело» // Graphosphaera. 2023. Т. 3. № 2. С. 287–299. URL: <http://writing.igh.ru/index.php?id=2023-3-2-287-299>

DOI: 10.32608/2782-5272-2023-3-2-287-299

© С. А. Иванов, 2023.

В устных беседах Александр Петрович Каждан не раз сравнивал свою эмигрантскую судьбу с судьбой Александра Александровича Васильева (1867–1953). Конечно, между ними было больше различий, чем сходств, однако при этом оба уехали за океан в зрелом возрасте (Васильев – в 58, Каждан – в 56 лет), оба сделали в США впечатляющую научную карьеру, оба были связаны с Dumbarton Oaks и оба видели свой долг в том, чтобы пропагандировать на Западе достижения отечественного византиноведения (Vasiliev 1927; Kazhdan 1983). Поэтому кажется уместным посвятить столетию Каждана заметку, касающуюся одного важного эпизода из биографии Васильева.

Архив ученого разорван между несколькими хранилищами: хорошо изучен Санкт-Петербургский Филиал Архива РАН (Куклина 1995). Неплохо известна и коллекция документов, хранящихся в Думбартон Оксе (Карпов 1999; Tudorie 2012). Гораздо хуже использован материал из библиотеки Висконсинского Университета в Мэдисоне, где Васильев прожил с 1925 по 1944 год. С этой коллекцией познакомился Г. М. Бонгард-

Левин (Бонгард-Левин, Тункина 1996; Скифский роман 1997. С. 259–286), но лишь с целью выявить находящиеся там письма М. И. Ростовцева. Прямо касающаяся пребывания А. А. Васильева в Мэдисоне статья Баркера написана без обращения к архиву (Barker 2002).

Настоящая работа основана на корпусе корреспонденции, составляющей фонд А. А. Васильева в архиве Мэдисонской университетской библиотеки.

Статус Васильева внутри первой русской эмиграции XX в. был уникален: с «белыми» беглецами из России его связывали десятки личных контактов и общий культурный багаж, однако, в отличие от всех них, он в течение нескольких лет (с 1925 по 1928 год) считался лояльным советским командированным, не будучи при этом, однако, ни шпионом, ни даже «большевизаном». Он считал себя вне политики, и, работая в США, отклонял приглашения на политизированные мероприятия эмиграции. Васильев с 1925 по 1928 год старался жить научной и административной жизнью Академии истории материальной культуры, служащим которой продолжал быть: получал отчеты подчиненных, сам обменивался письмами с АН и, возможно, искренне считал, что по истечении определенного срока вернется в Ленинград. В 1926 г. его друг С. А. Жебелев писал Н. Я. Марру: «Получил два последних письма от А. А. Васильева из Америки. Все говорит за то, что он вернется ... к нам, но как он себя будет после американских успехов чувствовать – ума не приложу» (Ананьев, Бухарин 2020. С. 509). М. И. Ростовцев, уже объявленный в СССР врагом, с некоторой завистью писал Васильеву в январе 1928 г.: «Ты пока еще *persona grata*. Ненадолго!» (Скифский роман 1997. С. 269). Правда, 1 июля 1928 г. командировка Васильева была остановлена, и он был отчислен из Академии истории материальной культуры, но членом-корреспондентом АН СССР продолжал числиться до 1935 г., и, более того, его кандидатуру выдвигали в действительные члены Академии наук на выборах 1929 г. Васильев явно не воспринимал себя как эмигранта: в его мэдисонском архиве встречаются, к примеру, газетные вырезки с рекламой пароходных туров в Советский Союз. И все-таки был вполне конкретный момент, когда ученый окончательно понял: обратно ему дороги нет. До сих пор предлагались различные причины этого (Захаров 2011; Грушевой 1998. С. 4), но материалы Мэдисонского архива позволяют дать совершенно четкий ответ.

Одной из важнейших связей Васильева с Россией всегда оставалась его родная сестра, Надежда Александровна (род. 30.07.1878–?). Ни брат, ни сестра не создали собственных семей и были невероятно близки между собой: в Мэдисоне хранятся сотни писем от Надежды, которая писала брату каждую неделю, причем невероятно подробно. Он же

не только отвечал ей столь же регулярно, но и постоянно посылал деньги, о получении которых она неизменно ему отчитывалась.

В 1929 г. в СССР грянуло «Академическое дело», по которому были арестованы многие коллеги и знакомые Васильева; при этом многие из арестованных участвовали в собраниях исторического кружка, превращенного фантазией ГПУ в гнездо монархического заговора, а Васильев и сам до 1925 г. бывал на таких заседаниях (Ананьич 1995. С. 81). Но из самого СССР никто, по понятным причинам, писать об этом не решился.

В ноябре Васильев получил письмо от второй своей сестры, Ольги, которая писала ему довольно редко. Там были строки о ее муже, Дмитрие Николаевиче Халтурине, управляющем делами Правления РАН/АН СССР (1923–1929):

«22 октября 1929 г.

Д. Н. больше в А(кадемии) не работает, вместо него партиец, твой однофамилец, довольно симпатичный и вполне культурный человек¹. Он долго колебался, брать или не брать это место, и взял только под условием, что Д. Н. два месяца будет работать с ним и вводить его в академическую работу и вообще жизнь. Д. Н. проделал все это более чем добросовестно и сейчас получил 2-хмесячный отпуск с содержанием. Но дальнейшая судьба еще неизвестна, мне (Л. 2) бы казалось, что за свое исключительно благородное поведение за все последнее, очень для него трудное, время он бы должен был быть награжден каким-нибудь определенным местом, но пока ничего нет» (Archive, Box 2, file 13).

17 января 1930 г., в своем доме по адресу State street 801 в Мэдисоне Васильев получил очередное письмо от сестры Надежды:

«1 января 1930 г.

Мой свободный день сегодня по пятидневке – и потому я праздничая, иначе праздника теперь у нас нет. С Новым Годом, дорогой брат, прими лучшие пожелания. ... Что у нас? Хорошего не много. На службу я теперь хожу без радости. Нашим хранителем рукописного отделения вместо Ник. Вас². назначен Николай Кирович³,

¹ Алексей Николаевич Васильев (1887–1941) – карьерный дипломат. Управлял делами АН в 1929–1930 гг.

² Николай Васильевич Измайлов (1893–1981) – филолог-пушкинист, зять С. Ф. Платонова. С 1924 г. – заведующий Рукописным отделом Пушкинского Дома, старший ученый хранитель. Арестован 14 ноября 1929 г.

³ Николай Кирович Козмин (1873–1942) – хранитель отдела вплоть до 1931 г. О бурной истории отдела в это время см.: Пушкинский Дом 2005. С. 338.

мое непосредственное начальство. (л. 2) Появился и новый элемент сотрудников, надо еще к ним привыкать, даются новые работы на иных началах. Я работаю, стараюсь и пока сижу.

С удовольствием стремлюсь домой и пока дома отдыхаю. К Лизочке, самой шумной из всех, я привыкла, а остальные трое не дают никакого шума и забот⁴. ...Не так давно (л. 3) на той неделе наш доктор с Линой, т. е. с женой, устроили пирушку, были Самарины⁵, доктор еще с женой из Мечниковской больницы, в общем, село за стол 16 человек и было, надо сказать, очень хорошо и уютно. Мамаша превосходная хозяйка: несмотря на тугость в продуктах, она устроила вкусно трапезу и довольно разнообразно. Садись по запискам. Перед ужином О. Конр.⁶ хлопотливо подбежала к столу, чтобы рассмотреть, с кем сидит ее Колечка, и когда увидела, что со мной, то мне сказала, что очень хорошо, потому что он высказывал желание сидеть со мной... Он мил и даже весел, и разговор у нас не прерывался. После ужина за круглым небольшим столом в другой комнате (в твоей спальне) был кофе с ликером (доктор сам приготовил ликер, и очень вкусный)...

У Ольги вчера под Новый Год была Репьева и дома своя молодежь. Я же сговорила и пошла к Банкам, на паях (3 р.), мне там было уютно и спокойно. И мать, и дочь⁷ каждый раз тебе кланяются и шлют лучшие пожелания, но я забываю передавать, ибо тебе все равно, шлют или не шлют приветы. Денег еще с дополнительными 5-ю дол. не получила, но заранее благодарю» (Archive, Box 2, file 14).

В этом письме, кроме смены руководства рукописного отдела Пушкинского Дома, ничто не наводило на особые подозрения. В том же духе выдержано и следующее ее письмо:

«19 января

Вчера получила твое веселое письмо с описанием рожд(ественских) праздников, и, как ни грустно было мое настроение, оно повлияло на меня хорошо... Скоро получим твой второй том? Вчера пил чай у меня Лебедев, он занимается Византией, за-

⁴ В 1928 г. Надежду Васильеву «уплотнили», превратив ее квартиру в коммунальную.

⁵ Упомянутые в письме Самарины – это знаменитый хирург Николай Николаевич Самарин (1888–1954), который с 1924 г. заведовал отделом хирургии Ленинградской больницы имени И. И. Мечникова, и его жена, Ольга Конрадовна, урожденная Недзвецкая (1887–1972), преподаватель иностранных языков и переводчик; пара была чрезвычайно музыкальна, и это также объединяло ее с Васильевыми.

⁶ Ольга Конрадовна Самарина (см. выше прим. 5).

⁷ Мария Борисовна Гандина (Банк) и ее дочь, будущий искусствовед-византист Алиса Владимировна Банк (1906–1984).

хаживает по этому поводу к Серг(ею) Ал(ександровичу)⁸. Заходила и я на днях к последнему, надо было кое о чем посоветоваться. Завтра зайду к Ольге и молодежи. Наша сестра в волнениях и заботах, уплотняются в трех комнатах» (Archive, Box 3, file 14).

1 февраля – следующее письмо:

«(л. 2) О нашей жизни не знаю, что тебе и писать. За последнее время очень мало кого вижу.., Время-то как бежит неумолимо! Когда ты вспомнил Константинополь, Фед(ора) Ив(ановича)⁹, Борю¹⁰, приехавшего впервые с нами познакомиться, то пронеслась картина перед глазами далекого прошлого¹¹... (л. 3) На днях зайду к Серг. Ал. посоветоваться насчет твоих книг. Я не представляю, как их можно сейчас отправить, к кому обратиться, ведь все новые лица. Книги найду, а там поговорю, что скажет Серг. Ал. Он хороший человек, но какой-то стал нерешительный¹²» (Archive, Box 3, file 14).

Итак, в письмах Надежды Александровны Васильев не мог бы обнаружить ничего, кроме самых туманных намеков. Однако его не могло не насторожить то, что в следующем письме от Ольги Александровны о ее муже вообще не упоминалось, зато появились странные необъяснимые обстоятельства:

«2. 2. 30

Мой милый далекий брат,

Давно тебе не писала, все хотелось сообщить что-нибудь хорошее, да видно не придется. Мы последнее время киснем: тенор уехал на неопределенное время, отдали половину квартиры; как-то странно, что совсем рядом, за припертой только дверью, живут совсем чужие люди, слышатся их разговоры, чувствуется их совсем нам незнакомая жизнь, и все в таком близком контакте: общая кухня, уборная, ванна и т. п. Лично я так любила и ценила свой «угол»,

⁸ Николай Степанович Лебедев (1893–1959) – византинист, ученик Васильева; Сергей Александрович Жебелев (1867–1941) – постоянный корреспондент Васильева.

⁹ Федор Иванович Успенский (1845–1928) – директор Русского археологического института в Константинополе.

¹⁰ Борис Владимирович Фармаковский (1870–1928), товарищ Васильева во времена его стажировки в Константинополе в 1899 г. (Басаргина 1993).

¹¹ Видимо, в своем письме сестре А. А. Васильев напомнил о каком-то ее визите к нему в Константинополь.

¹² В 1928 г. Жебелев стал объектом истерической травли и вынужден был публично каяться в своих научных связях с эмиграцией.

что мне кажется к этому сожительству я не скоро привыкну, хотя люди они спокойные» (Archive, Box 2, file 14).

Полное исчезновение упоминаний о муже, «отъезд» какого-то загадочного «тенора» и связь всего этого с «уплотнением» должны были вызвать у А. А. Васильева вопросы. Он явно начал наводить справки на Западе – и, хоть нескоро, но получил ответы. Тут-то и выяснилось, что Надежда Александровна не написала брату всего, что случилось под Новый 1930 год в Ленинграде.

«Копенгаген, 4 августа 1930 г.

Во время моего трехнедельного пребывания в Ленинграде в июле месяце с. г. встретила я у своих знакомых чету Самариных. М-ме Самарина очень просила меня передать Вам следующее:

Ваши друзья из Мечниковской больницы доводят до Вашего сведения, что Г.П.У. было на Вашей квартире в Ленинграде с ордером арестовать Вас. Ваша сестра пока на свободе, но все ее знакомые, за исключением одного, которым Вы прислали, если не ошибаюсь, рукописи Вашей работы, сидят арестованы.

Положение в С.С.С.Р. делается все хуже и хуже, во время моего пребывания там было опять арестовано масса интеллигентных людей.

Очень прошу Вас подтвердить мне получение этого письма.

С совершенным почтением

Эдит Ольсен¹³

Mrs. Edith Olsen Lauenborggade 1 III Copenhagen, S. Denmark» (Archive, Box 2, file 17).

Информантка ничего не знала об адресате, отсюда и упоминания о «рукописях», но Васильев конечно сразу понял, что речь идет о втором томе английского издания его «Истории Византии», которое он в марте 1930 г. послал в СССР по 23 адресам. Список этих получателей известен (Куклина 1995. С. 319–320). Среди них по «академическому делу» были арестованы трое, причем С. Ф. Платонов и Н. П. Лихачев – до присылки книги, и лишь один, В. Н. Бенешевич, – 15 апреля 1930 г. Очевидно, что книга Васильева никак не повлияла на судьбу арестованных, но их родные, гадая о возможных причинах арестов, вполне могли сходиться на «Истории Византии» как на объяснении, пусть нелепом – но хоть каком-нибудь.

¹³ Эдит Ольсен (1901–1996) – активистка датского профсоюзного движения, что объясняет и ее русский язык, и долгое пребывание в СССР, и разочарование в тамошнем режиме.

Немыслимо даже представить, какие эмоции владели Александром Александровичем, когда он читал о том, что стал невольной причиной ареста десятков близких ему людей! Впрочем, как он знал, его сестра оставалась на свободе, а ведь она тоже получила его книгу. Другие же детали письма Ольсен были ему знакомы: и Самарины, и Мечниковская больница, как мы видели, фигурировали в письмах Надежды Александровны, так что в целом картина рисовалась убедительной.

Васильев начал искать новых сведений, в частности, о Халтурине, о котором в письме Ольсен ничего не было. И вскоре пришло новое свидетельство из более надежного источника. Им стал Михаил Яковлевич Пергамент (1866–1932), высокопоставленный советский правовед, юридический консультант наркомата иностранных дел СССР. В 1930 г. он уже не занимал ответственных постов, но, тем не менее, его использовали для деликатных переговоров. Связи у него были обширными, а симпатий к ужесточавшемуся советскому режиму он явно не испытывал. Приехав в Берлин по дипломатической линии, Пергамент встретился с другим юристом-теоретиком, Александром Николаевичем Макаровым (1888–1973), бежавшим из СССР в 1925 г. Макаров имел обширные связи в искусствоведческих кругах Петрограда, но и с Пергаментом его связывали давние, видимо, еще дореволюционные отношения, и тот мог ему доверять. В результате Васильев получил исчерпывающий отчет:

«Berlin – Lichterfelde
Steglitzer Str. 15
Tel.: G 6 Breinenbach 2167

14 сентября 1930 г.

Дорогой Александр Александрович,

Получил вчера Ваше письмо от 21 августа и хочу, не откладывая, рассказать Вам все, что знаю об общих знакомых и друзьях. Сведения у меня довольно свежие (июньские) и источник их хороший, а именно М. Я. Пергамент, находящийся здесь с июня в командировке. Командировка эта весьма ответственная, так что он избегает встреч с кем бы то ни было (меня вызывал в Café, хотел побывать у меня дома, но пока не собрался). Если будете кому-нибудь передавать то, что я расскажу Вам со слов Мих(ала) Як(овлевичва), то лучше не называйте его имени (очень уж он бедный напуган).

С. Ф. Платонов находится в лазарете дома предварительного заключения в Петербурге (на Шпалерной)¹⁴. На Шпалерной же Е. В. Тарле¹⁵ и, по-видимому, С. В. Рождественский¹⁶. В связи с Платоновским «делом» завозили из Соловков А. И. Заозерского (для совместного допроса)¹⁷. Как это ни странно, но центральной фигурой всего «дела» о монархическом заговоре (!?), по-видимому, собираются сделать не С. Ф. Платонова, а Е. В. Тарле. По словам М. Я. Пергамента, к Платонову относятся предупредительно (поскольку можно говорить о предупредительности на Шпалерной). О Д. Н. Халтурине ничего не слышал, но если увижусь еще раз с Пергаментом, спрошу о нем: если что-нибудь (л. 2) узнаю, непременно сообщу Вам. Общее впечатление от рассказа Пергамента, несмотря на весь его если не официальный, то во всяком случае официальный оптимизм, удручающее. С каждым полугодием все хуже и хуже. Елена Чеславовна¹⁸ писала мне о себе сама: она вычищена с «серьезной мотивировкой» (по-видимому, «идеология»), никуда поступить не может, будет учиться чертежному делу, пойдет, другими словами, «в чертежники»! В июне ко мне заходила Ольга Александровна Пини¹⁹, выбравшаяся из СССР *sans esprit de retour*, она мне рассказала о всяких преимущественно Эрмитажных *dii minores*. Там самыми яркими ревнителями коммунистического строительства являются сейчас Крюгер²⁰ из Вальдгауерского отдела²¹ и А. Г. Прокопе-Вальтер²². Вообще много мудрости из своей же среды. В июне я получил открытку от М. И. Максимовой²³: она писала, что получила приглашение прочесть доклад в Копенгагене и что Эрмитаж возбудил ходатайство о командировке. Состояться эта поездка должна была, если бы разрешила Москва, в конце Сен-

¹⁴ «Шпалерная» – первая в России специальная следственная тюрьма. Находится в Петербурге, на Шпалерной улице, 25. «Академическое дело» – тема, подробно исследованная в научной литературе, так что нет нужды давать здесь общий очерк.

¹⁵ Евгений Викторович Тарле (1874–1955) был арестован 28 января 1930 г.

¹⁶ Сергей Васильевич Рождественский (1868–1934) был арестован 1 декабря 1929 г.

¹⁷ Александр Иванович Заозерский (1874–1941) – историк, арестованный в 1929 г. по делу религиозно-философского кружка «Воскресение», но затем пристегнутый к «Академическому делу».

¹⁸ Елена Чеславовна Скржиинская (1894–1981) – историк-медиевист и филолог.

¹⁹ Ольга Александровна Пини (1860–1944) с 1924 г. была сотрудницей Эрмитажа.

²⁰ Отто Оскарович Крюгер (1893–1967) – эпиграфист и папиролог в Эрмитаже.

²¹ Оскар Фердинандович Вальдгауер (1883–1935) – директор Эрмитажа в 1930 г.

²² Анна Германовна Прокопе-Вальтер (1883–1942) – историк античной культуры, научный сотрудник Эрмитажа. Музейщики, группировавшиеся вокруг Вальдгауэра, имели репутацию большевистских соглашателей, см.: Государственный Эрмитаж 2016. С. 33.

²³ Мария Ивановна Максимова (1885–1973) – историк-антиковед, археолог, работала в Эрмитаже в 1914–1931 гг. Ее контакты с эмигрантами припомнили ей, когда «вычищали» из Эрмитажа (Государственный Эрмитаж. 2016. С. 625).

тября, затем М. И. надеялась заехать в Берлин на музейный юбилей. С тех пор никаких известий от нее не было. Между тем, Пини предупредила меня, чтобы я не писал М. И. на адрес Эрмитажа, так как все, даже частные письма, приходящие туда из-за границы, попадают в особый Эрмитажный черный кабинет, прежде чем достигать адресата. Вот кажется все, что я могу Вам рассказать, дорогой Александр Александрович. Всегда очень радуюсь вестям от Вас. Шлю Вам искренний привет и крепко жму Вашу руку.

А. Макаров

Р. С. 16 Сентября 1930 г. Не успел заклеить написанное 14-го письмо, как позвонил М. Я. Пергамент и сказал, что придет к нам 15го. Вчера он провел у нас весь вечер. Я расспрашивал его о Ваших. Д. Н. Халтурин сидит на Шпалерной: он был арестован приблизительно в одно время с Платоновым²⁴. Супругу его²⁵ Мих. Як. видел незадолго до своего отъезда за границу. О сестре Вашей Надежде Александровне Мих. Як. рассказал следующее. В ночь на Новый 1930й год к ней явились с обыском и предъявили ордер на арест профессора А. А. Васильева. Первый вопрос был – «Это квартира проф. Васильева?» На что Надежда Александровна, не растерявшись, ответила: «Нет, это моя квартира, проф. Васильев давно уже здесь не живет». Обыск был длительный, но взяли только доллары, которые нашли. Последствий никаких для Надежды Александровны обыск не имел, но напугалась она, конечно, немало (как раз после встречи Нового года!) Еще я узнал от Мих. Як., что И. М. Гревс «вычищен» из А. И. М. К.²⁶. Мих. Як. уезжает из города 17-го. Если что буду еще узнавать – буду сообщать Вам. Еще раз – искренний привет! Крепко жму Вашу руку. А. М.» (Archive, Box 2, file 18).

Пергамент ошибся в некоторых мелких деталях: например, академику Е. В. Тарле следователи «прочили» пост министра иностранных дел, а главой монархического правительства все-таки видели Платонова²⁷. В целом же Пергамент нарисовал совершенно адекватную картину, и благодаря ему Васильев узнал, что его зять, муж его сестры Ольги, Дмитрий Михайлович Халтурин, арестован. Это произошло 31 декабря 1929 г. (Тункина 2022. С. 17), и в ту же самую ночь чекисты приходили за

²⁴ Сергей Федорович Платонов (1860–1933), главный обвиняемый по «Академическому делу», был в действительности арестован 12 января 1930 г., на 13 дней позже Халтурина.

²⁵ То есть сестру А. А. Васильева Ольгу.

²⁶ Иван Михайлович Гревс (1860–1941) в 1930 г. был арестован, однако вскоре освобожден.

²⁷ Материалы дел С. Ф. Платонова и Е. В. Тарле опубликованы полностью, и к этой теме нет смысла возвращаться.

ним самим! Разумеется, ученый не подозревал, что Е. В. Тарле в своих показаниях уже зачислил его в подпольную монархическую организацию: якобы их дружеские встречи в Париже в 1925 и 1928 гг. как раз и были частью коварного заговора (Академическое дело. 1998. С. 76, 101, 119, 221, 231, 348, 433, 465). Но Васильев узнал главное: возвращение домой сделалось невозможным.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Archive – University of Wisconsin, Madison, University Library Archive, Series 7/16/16 Vasiliev, V. A. – Papers.

Академическое дело. 1929–1931 гг. Вып. 2: Дело по обвинению академика Е. В. Тарле / Изд. подготовили М. П. Лепехин, С. К. Егоров, Э. А. Фомина. СПб.: БАН, 1998. [Akademicheskoe delo. 1929–1931 gg. Vyp. 2: Delo po obvineniiu akademika E. V. Tarle (Academic Trial. 1929–1931. Vol. 2: Case against Academician E. V. Tarle) / Ed. M. P. Lepekhin, S. K. Egorov, E. A. Fomina. St-Petersburg: BAN, 1998.]

Ананьев В. Г., Бухарин М. Д. С. А. Жебелев в системе советской науки (по материалам новых архивных документов). Часть I. 1913–1927 // Вестник древней истории. 2020. Т. 80, № 2. С. 198–210. [*Ananiev V. G., Bukharin M. D.* S. A. Zhebelev v sisteme sovetskoj nauki (po materialam novykh arkhivnykh dokumentov). Chast' I. 1913–1927 (S. A. Zhebelev in the System of Soviet Science (Based on New Archival Findings). Part I. 1913–1927) // Vestnik drevney istorii. 2020. T. 80, No. 2. S. 198–210.]

Ананьич Б. В. О воспоминаниях Н. С. Штакельберг // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка / Сост. М. Ю. Сорокина, А. И. Добкин. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1995. С. 77–86. [*Anan'ich B. V.* O vospominaniiah N. S. Shtakelberg (About Memories N. S. Shtakelberg) // In memoriam: Istoricheskij sbornik pamiati F. F. Perchenka / Sost. N. Yu. Sorokina, A. I. Dobkin. Moscow; St-Petersburg: Fenix; Atheneum, 1995. S. 77–86.]

Басаргина Е. Ю. А. А. Васильев и Русский Археологический Институт в Константинополе // Российские ученые и инженеры в эмиграции / Под ред. В. П. Борисова. М.: Перспектива, 1993. С. 127–135. [*Basargina E. Yu.* A. A. Vasiliev i Russkij Arkheologicheskij Institut v Konstantinople (A. A. Vasiliev and the Russian Archaeological Institute in Constantinople) // Rossijskie uchenye i inzhenery v emigratsii / Pod. red. V. P. Borisova. Moscow: Perspektiva, 1993. S. 127–135.]

Бонгард-Левин Г. М., Тункина И. В. М. И. Ростовцев и А. А. Васильев (Новые архивные материалы) // Вестник древней истории. 1996. № 4 (219). С. 168–188. [*Bongard-Levin G. M., Tunkina I. V.* M. I. Rostovtsev i A. A. Vasiliev (Novye arkhivnye materialy) (M. I. Rostovtsev and A. A. Vasiliev (New Archival Materials)) // Vestnik drevney istorii. 1996. No. 4 (219). S. 168–188.]

- Государственный Эрмитаж. Музейные распродажи. 1930–1931. Архивные документы. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2016. [Gosudarstvennyi Ermitazh. Muzeinye rasprodazhi. 1930–1931. Arkhivnye document (State Hermitage Museum. Museum's sales. 1930–1931. Archival documents). St-Petersburg: Gos. Hermitazh, 2016.]
- Грушевой А. Г.* К переизданию цикла общих работ А. А. Васильева по истории Византии // *Васильев А. А. История Византии. Т. 1.* СПб.: Алетейя, 1998. С. 5–18. [*Grushevoj A. G.* K pereizdaniuu tsikla obshchikh rabot A. A. Vasilieva po istorii Vizantii (Towards the Re-Edition of a Series of General Works by A. A. Vasiliev on the History of Byzantium) // *Vasiliev A. A. Istoriia Vizantii. T. 1.* St-Petersburg: Aletheia, 1998. S. 5–18.]
- Захаров О. И.* Причины эмиграции А. А. Васильева из СССР по материалам архива ИИМК РАН // *Российское византиноведение: традиции и перспективы: тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов. М.: МГУ, 2011. С. 103–106.* [*Zakharov O. I.* Prichiny emigratsii A. A. Vasilieva iz SSSR po materialam arkhiva IIMK RAN (Reasons for the Emigration of A. A. Vasiliev from the USSR based on Materials from the Archives of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences) // *Rossijskoe vizantinovedeniie: traditsii i perspektivy: tezisy докладов XIX Vserossijskoj nauchnoj sessii vizantinistov. Moscow: MGU, 2011. S. 103–106.*]
- Карпов С. П.* Материалы А. А. Васильева в архиве Dumbarton Oaks (Вашингтон) // *Византийский Временник. 1999. Т. 58. С. 117–127.* [*Karpov S. P.* Materialy A. A. Vasilieva v archive Dumbarton oaks (Washington) (Materials by A. A. Vasiliev in the Dumbarton Oaks Archive (Washington)) // *Vizantiyskiy Vremennik. 1999. T. 58. S. 117–127.*]
- Куклина И. В.* А. А. Васильев: «труды и дни» ученого в свете неизданной переписки // *Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И. П. Медведева. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 313–338.* [*Kuklina I. V.* A. A. Vasiliev: “Trudy i dni” uchenogo v svete neizdannoj perepiski (A. A. Vasiliev: “Works and Days” of the Scientist in the Light of Unpublished Correspondence) // *Arkhivy russkikh vizantinistov v Sankt-Peterburge / Pod. red. I. P. Medvedeva. St-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1995. S. 313–338.*]
- Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005 / Гл. ред. Н. Н. Скатов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005.* [Pushkinskij Dom: Materialy k istorii. 1905–2005 (Pushkin House: Materials for History. 1905–2005) / Ed. N. N. Skatov. St-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2005.]
- Скифский роман / Под ред. Г. М. Бонгард-Левина. М.: РОССПЭН, 1997.* [Skifskij roman (Scythian Novel) / Pod red. G. M. Bongard-Levina. Moscow: ROSSPEN, 1997.]
- Тункина И. В.* Александр Александрович Васильев (1867–1953) // *Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку / Науч. ред.-сост. В. А. Горончаровский. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 16–32.* [*Tunkina I. V.* Alexandr Alexandrovich Vasiliev (1867–1953) // *Otsy-osnovateli RAIMK: ikh zhiznennyj put' i vklad v nauku / Nauchn red.-sost. V. A. Gorocharovskiy. St-Petersburg: IIMK RAN, 2022. S. 16–32.*]

- Barker J. W.* Vasiliev in Madison // *Byzantinische Forschungen*. 2002. Bd. XXVII. P. 243–263.
- Kazhdan A.* Portraits of Soviet byzantinists // *Byzantine Studies*. 1983. Vol. 10. Pt. 1/2. P. 202–215.
- Tudorie I. A.* Alexander Alexandrovich Vasiliev (1867–1953) – the Patriarch of the Byzantine Studies // *Byzantinoslavica*. 2012. Vol. 70/1–2. P. 283–323.
- Vasiliev A.* Byzantine Studies in Russia // *American Historical Review*. 1927. Vol. XXVII. P. 539–545.

Информация об авторе

СЕРГЕЙ АРКАДЬЕВИЧ ИВАНОВ
доктор исторических наук,
профессор Института класси-
ческого Востока и Античности
НИУ Высшая Школа Экономики,
член-корреспондент Британской
академии
Российская Федерация, 105066,
Москва, ул. Старая Басманная,
д. 21/4, стр. 3
e-mail: s.ark.ivanov@gmail.com

Information about the author

SERGEY A. IVANOV
Dr. Sc. (History), Professor,
Institute for the Ancient Orient
and Antiquity (National Research
University – Higher School of Eco-
nomics), Corresponding Fellow of
the British Academy
Russian Federation, 105066,
Moscow, Staraya Basmannaya str.,
21/4, building 3
e-mail: s.ark.ivanov@gmail.com